

Интервью Ведомости 2012

Сантьяго Калатрава: «Художник должен быть готов к страданиям, к тому, что современники его не поймут»

Испанский архитектор о поиске гармонии с городом, сходстве архитектуры и музыки

Выставка «Сантьяго Калатрава. В поисках движения» открылась 27 июня в Николаевском зале Эрмитажа – музей запустил новую программу, посвященную великим архитекторам современности. В экспозиции представлено более 150 работ испанского архитектора и инженера. Он – автор мостов, потрясающих своими очертаниями и конструкцией и расположенных от Рио-де-Жанейро до Венеции; ажурных бетонных вокзалов, принимающих пассажиров Западной Европы; музея в Милуоки, крыша которого каждый час поднимается, словно крылья; чудного закрученного небоскреба в Мальмё. Макеты всех этих зданий можно увидеть на выставке. Треть экспозиции составляют скульптуры и акварели автора, а также особые «двигающиеся картины» – абстрактные, почти плоские объекты, изменяющие свои очертания. Некоторые работы выполнены специально для Эрмитажа.

Когда я вошла в зал, где у нас назначена встреча с Калатравой, он как раз заканчивал ставить автографы на каталогах выставки. Причем он решил не просто подписать книги, а нарисовать на форзаце каждого по рисунку. Ничего удивительного: идея о том, что архитектура – искусство, а архитектор и инженер – художники, повторяется у Калатравы из лекции в лекцию, и на первый же свой вопрос: «Каково это – выставляться в Эрмитаже?», я услышала соответствующую тираду.

– Я всегда считал, что архитектура – искусство. Нет различия между инженерией и архитектурой. Это разделение – порождение XIX века, и по моему, оно появилось по абсолютно бюрократическим причинам. Когда говоришь, что архитектура – искусство, люди хотят доказательств. Но это просто, откройте любую книгу по истории архитектуры, и вы увидите там массу прекрасных зданий. Согласитесь, Санкт-Петербург был бы художественно беднее без своих старинных мостов, так же как Сан-Франциско – без легендарных «Золотых ворот». Зимний дворец, где мы сейчас находимся, – грандиозен. Тут барельефы и скульптуры, живопись, но есть еще и восхитительные анфилады. Этот дворец сам по себе – хорошая

лекция об архитектуре как искусстве. Вы входите, поднимаетесь по растреллиевской лестнице и, войдя, например, в этот зал, видите его богатое убранство. Все вышперечисленное впечатляет именно в совокупности. Мне в моей работе любопытно исследовать возможности соединения архитектуры и скульптуры, архитектуры и живописи (я делаю эскизы акварелью). Кроме того, мне важно понятие соразмерности: человека и здания, человека и города в целом. Посмотрите на египетские пирамиды. Вот вопрос – это работа архитектора или инженера? То же самое с собором в Шартре. В прошлом это разделение не имело значения.

Моя выставка – пример деятельности архитектора в разных сферах: скульптура, живопись, создание арт-объектов, собственно проектирование. Чтобы построить то, что построил я, необходимо работать именно так. Не стану говорить, хорошо у меня получилось или плохо, но, конечно, вид моих проектов в залах Эрмитажа, одного из лучших музеев мира, воодушевляет. Не считите меня зазнайкой, я хочу продолжать работать и развиваться в профессии, но, когда твои работы (некоторые из которых закончены буквально в прошлом году) оказываются в экспозиции, начинающейся с египетских древностей, – это будоражит.

– А современным искусством вы интересуетесь?

– Мало того, я дружу со многими художниками. С Фрэнком Стеллой мы вместе сделали проект для берлинской Национальной галереи. Среди моих друзей Алекс Кац. Он нарисовал отличный портрет моей дочери Софии, и у нас в доме есть другие его работы. Мне нравится его естественная спонтанная манера письма. Джоэл Шапиро, Ричард Серра, я их знаю и люблю их работы.

– К современному искусству и архитектуре широкая публика относится схожим образом: с недоверием и непониманием.

– Подумайте о музыке Густава Малера. Чтобы полюбить ее, требуется много времени. Но когда ты начинаешь ее понимать, уже не можешь забыть это ощущение. При первом прослушивании его 3-я симфония может показаться странной, там есть сложные пассажи, которые не связаны с классическим представлением о гармонии. Или вот я недавно переслушивал 6-ю симфонию Чайковского. Валерий Гергиев дирижировал хорошим, хоть и не очень знаменитым Оркестром радио и телевидения Италии, они выступали в Лугано. Я открыл это произведение для себя заново, не знаю, сколько раз я его слушал до этого, но услышал по-новому.

Архитектура ведь отчасти сродни музыке. Ее необходимо исследовать, она сложная, даже если речь идет об очень простом по форме объекте. В здание надо обязательно войти, ощутить его «проницаемость»: благодаря проникновению света возникает много ситуативных видов, изменчивых перспектив. Это иногда мешает, не дает охватить разумом объект. Возьмите тот же вокзал в Льеже – казалось бы, просто длинная крыша на ажурных опорах, но здесь все равно появляется магическое пространство. С утра, когда солнце проникает внутрь, видишь, как двигаются и вырастают тени. Ночью, при электрическом освещении, все совсем по-другому. Это, конечно, нельзя заметить в один миг, но приезжая туда во второй раз, видишь иную картину, чем в первый.

А возвращаясь к сути вопроса – искусство принадлежит времени, в котором живут его авторы, иногда даже его опережает. И когда архитекторы что-то создают, они могут быть не поняты – для понимания часто требуется временная дистанция. Поэтому художник должен быть готов к страданиям, к тому, что современники его не примут.

– Часто слышишь: музыку можно выключить, а архитектуру никак. То есть непонимающим приходится страдать вместе с художником. Скажем, я слышала, что многие ругают ваш мост в Иерусалиме.

– В каком-то смысле этот мост создан и израильянами, жителями Иерусалима. Чтобы появилось то или иное архитектурное сооружение, существует самый сложный процесс согласований. И Израиль, наверное, самая демократичная в этом вопросе страна: приходилось показывать проект различным группам граждан, реагировать на их мнение и возвращаться в мастерскую снова и снова. Даже если группа несогласных мала, тебе не дают возможности ее проигнорировать. Так что эта штука не была построена в темной ночи, пока никто не видел. В этой истории вообще-то очень интересно, как израильское общество, будучи весьма консервативным в религиозных вопросах, в гражданском смысле очень развито и современно мыслит.

– Есть ли такие здания, про которые вы могли бы сказать: жаль, не я их построил?

– Так рассуждать как-то нескромно, но я готов назвать пару зданий, которые мне нравятся. Например, сейчас я работаю в Нью-Йорке, и мне очень симпатичен тамошний Центральный вокзал – великолепное пространство. Там же мне нравится Крайслер-билдинг. Эти сооружения трогают мою душу.

Хочется назвать Святую Софию в Стамбуле и римский Пантеон, в который я обязательно прихожу каждый раз, как оказываюсь в городе. Мне очень интересны и общественные пространства. В этом смысле Санкт-Петербург завораживает. Столько красивых площадей, чего стоит одна композиция Дворцовой площади с циркульным корпусом Главного штаба. Или вот площадь перед Исаакиевским собором. Я люблю ее за странную форму, образованную не только улицами, но и рекой – то, как она переходит в мост, с которого открывается великолепная перспектива. Санкт-Петербург вообще воплощение градостроительного мастерства, моя жена, которая тут впервые, говорит, что это самый красивый город в Европе.

– А вам хотелось бы спроектировать мост для Санкт-Петербурга?

– Живость взаимодействия города и водной стихии в Санкт-Петербурге захватывает, ведь именно вода была поводом для его возникновения, он построен практически не рядом, а на ней. Каналы и реки являются одновременно улицами, дворцы обращены к воде, Балтийское море совсем рядом. Это очень-очень красиво. И спроектировать тут мост, стать частью этого чуда градостроительного искусства, конечно, мечта.

– Как правило, ваши здания воспринимают как отдельные объекты – настолько они необычны, но ведь города должны быть архитектурным целым, как вы считаете?

– Когда я учился, соотношение здания с городом воспринималось как основа архитектуры. Тогда, в начале 1970-х, нужно было снова придумать способы понимания и осознания городской структуры и истории. Тем более мосты и вокзалы, которых я спроектировал немало, невозможно рассматривать вне связи с окрестностями. Тема поиска гармонии с городом для меня важна. Так, очевидно, важный аспект Санкт-Петербурга – высотный регламент. На мой взгляд, очень важно сохранять красоту этой ровной линии, прерываемой лишь куполами и шпилями. Я люблю высотные силуэты Нью-Йорка, Чикаго, но это города другой эпохи.

– Вы не раз говорили, что мечтаете строить небоскребы, а как вы перенесли то, что из-за кризиса были отменены ваши высотные проекты для Нью-Йорка и Чикаго?

– Чтобы что-то построить, вам нужен тот, кому это необходимо, то есть клиент. В прошлом году я встречался с Оскаром Нимейером, которому сейчас 104 года. Мы к нему ездили с сыном и дочерью. Он поинтересовался моим возрастом и, узнав, что мне шестьдесят, говорит: «Ну, у тебя еще целая

жизнь впереди». Так что... Важно работать от всего сердца. Когда я начинал, проектировал просто балкон, но относился к этому как к проектированию целого моста. (Смеется.) Или проектировал автобусный гараж, но представлял, что это целый железнодорожный вокзал, а занимаясь какой-нибудь крышей, воображал проект перекрытия стадиона. Позже я спроектировал и все эти крупные сооружения. Нет больших вещей, есть важнейшие инженерные задачи, которые можно решить даже на примере стола или стула. В Эрмитаже вы видите картины и мебель отличного качества, керамику. Все они представлены как уникальные экспонаты. Вот она задача – чтобы ты ни делал, к этому надо относиться как к созданию полноценного произведения искусства.

У меня и во время строительного бума ранних 2000-х было всего несколько проектов, и я не хотел больше. Я занимался Олимпиадой в Греции, но не подавал заявки на последующие: в Пекине, Лондоне. Мне важно сосредотачиваться на проектах, которые веду, отдаваться им по максимуму на всех этапах создания. Сейчас я получаю большое удовольствие от работы над транспортным терминалом в комплексе Ground Zero в Нью-Йорке. До окончания проекта еще примерно три года. Также мы делаем новый музей для Рио-де-Жанейро, есть университетский проект на Тайване, а во Флориде уже строится кампус, и этого достаточно. Я не стремлюсь спроектировать все в мире.

http://www.vedomosti.ru/library/articles/2012/06/29/santiago_kalatrava_hudozhnik_dolzhen_byt_gotov_k_stradaniyam